

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (А.В. Охоткин):

Как Вы относитесь к декларируемому сегодня на Западе посылу о противостоянии между западной христианской цивилизацией и Востоком, который ассоциируется чаще всего с исламом? В западной трактовке это противостояние является на самом деле противостоянием атеистического, утратившего всякие христианские корни Запада, и Востока — православного и мусульманского, конечно же? И в этой связи несколько провокационный вопрос: не является ли для геополитики России некоторым ориентиром понимание сущности этого противостояния — необходимости укрепления связи всех традиционалистски настроенных сил, в первую очередь, конечно, православных, классического Ислама и разных других традиционалистских направлений современной мысли и практики для противостояния агрессивному, воинствующему атеизму, либерализму и остальным «измам»?

Ответ:

Первый вопрос связан с тем, что западная постхристианская цивилизация якобы не имеет мировоззренческих основ. Как раз наоборот — она имеет жесткие секулярные мировоззренческие основы. В докладе подчеркивается, что она перестала иметь в своей базе христианские мировоззренческие ценности. Именно поэтому стала секулярной. Отсюда — идеология Просвещения, неолиберализм, который образовался, набрал силу и в итоге сейчас все более становится популярным и т. д. Я хотел подчеркнуть, что для Запада христианство не является цивилизационно образующей доминантой, поэтому и сама цивилизация именуется географическим термином, ничего не отражающим ни с социальной, ни с экономической, ни с политической точки зрения. Второе — Россия как идеальный тип. Да, действительно, в какой-то мере не только Россия, но и ряд право-

славных народов в своей экономической и хозяйственной деятельности представляют собой такой идеальный тип. По крайней мере до Петра I мировоззренческая система, хозяйственная система, политическая система, культурная система общества базировались на тех принципах, которые я собрал и перечислил как цивилизационно образующие для данного типа цивилизации. А то, что сейчас мы в силу исторического развития перестали соответствовать этим ценностям, это и ставит перед нами вопрос: являемся ли мы остатком этой христианской цивилизации и будем ли, захотим ли мы и сможем ли ее опять принять как ту модель развития, по которой нам надо следовать? Здесь важно иметь в виду то давление, о котором говорилось — давление секулярной цивилизации, которое не только морально-этическое, не только культурное (культуру можно преодолеть), оно — финансовое прежде всего.

Реплика: Вооруженное, военное!

Пока еще на нас с вами никто не напал. Правда, финансовое нападение состоялось и можно даже точно сказать когда: в 1993 г. Мы начали получать от Запада то, что Гайдар и его единомышленники называли помощью развития. На самом же деле это оказалось финансовой кабалой. Никогда мы помощи по-настоящему не получали. Ставки кредитов были не ниже 25%, это были рыночные деньги, и к помощи они никакого отношения не имели. Замечу, что когда обстреливался Белый дом, то буквально каждый снаряд, который вылетал, сопровождался заявлением: «Размораживается такая-то часть транша». Еще один снаряд — размораживается другая часть транша и т. д. У меня была статья про политическую технологию внешнего кредитования России, про систему размораживания траншей.

Реплика: Подобное происходило в Югославии, Ираке, Палестине...

В своем докладе я обратил внимание на Россию до XVIII в. Это не эфемерный факт. Это подтверждается всей хозяйственной деятельностью страны. Если мы посмотрим на современную Грецию — это тоже не эфемерный факт. Япония — не эфемерный факт. Кстати, в современной Греции народ еще живет в православной системе координат, причем более, чем мы, потому что там православие — бытовое. Для них Николай-угодник — сосед. И если случается что-то не так, то ему выговаривают. У нас еще в середине прошлого века такая практика была. Я бабушку свою помню — если что-то не так сделано, то она Николаю-угоднику так выдаст...

Реплика: В православной Сирии, например, развод является абсолютно невероятным фактом. Такое случается, может быть, один раз в год. Один случай из десятков тысяч. О случившемся знает вся страна, обсуждает и критикует, учит детей так никогда не делать.

Кстати, подобная традиция у нас была сильна и в советское время. Это пример идеалов религиозности в большевистской цивилизации. Вспомните, в 60-е годы, каким позором был развод. Некоторые моральные ограничения существуют и теперь. Расширим ли мы их — зависит от наших предпочтений. Если нам больше нравится кока-кола, то, конечно, мы будем есть бигмаки и т. д.

Несколько слов по поводу объединения и геополитики. Я не уверен, что политические круги России осознают проблему так, как вы ее определили. У меня нет по этому поводу данных. Когда шла война в Сербии мы показали, что воспринимаем происходящее абсолютно неадекватно. Чисто религиозную войну мы вплоть до последнего времени выдаем за войну, которая имеет иные социальные предпосылки. На самом же деле война была религиозной. Надо называть вещи своими именами. Но, с другой стороны, кто слышал или читал последнее федеральное послание Президента не может не отметить, что в нем

прозвучали очень своеобразные нотки по поводу международной политики, международных соглашений относительно моратория на исполнение договоров. Подобное не звучало ни в одном из посланий. О чем это говорит? О том, что мы все-таки пытаемся осознать себя как реальную политическую и экономическую силу. Правда, с точки зрения экономики у нас нет пока никаких оснований для демонстрации силы. В.В. Путин четко это показал. Его доклад — это удивительная картина полного развала экономики страны. Он ставит те задачи, которые говорят о том, что надо с нуля поднимать все отрасли хозяйства. Несмотря на это, имея ядерную «кнопку», мы пытаемся заявить о себе как о реальной политической силе. Если определенные вызовы будут услышаны, то может быть мы осознаем противоречивость ситуации, о которой вы сказали. И самое главное — будет осуществляться адекватная реакция на нее.

Вопрос (В.М. Межуев):

Я зарезервирую для себя время для небольшого выступления, а сейчас вопрос: вы не боитесь, что Россия повторит судьбу Византии? Потому что вот то, что сейчас происходит в России — один к одному повторяет последние сто лет Византийской империи. Ваш доклад, конечно, очень интересный, но мне хотелось бы его переименовать, назвав более корректно «Христианство или цивилизация?». Вы замечательно изложили основы православного вероучения. А что здесь от цивилизации? Какой тип государства? Какой тип общества? Какой тип социального устройства? Я всегда не мог понять, что же такое российская цивилизация? Вообще Россия никогда не называла себя цивилизацией, упорно отрицает применение к себе этого термина. Что, собственно, цивилизационного вытекает из христианского вероучения? Какой тип государства? Какой тип экономики? Какой тип политики?

Ответ:

Тема моего доклада сформулирована жестко. Христианская цивилизация: система основных ценностей. Система ценностей христианства есть система ее вероучения. Только я вам ее преподнес не столько с точки зрения догматического богословия, а с точки зрения реального отношения богослова к существующим проблемам между человеком, миром, обществом и т. д., дойдя до экономической части. В моей книге «Церковь, общество, хозяйство», вышедшей в 2005 г., эти проблемы очень широко изложены. Поэтому мне не понятно противопоставление христианства и цивилизации. Что есть в этом плане цивилизация? Что есть христианство — это дикость, варварство?

В.М. Межуев:

Это ошибка Тойнби, который отождествил цивилизацию с вероучением. Впервые в основу цивилизационного подхода был положен религиозный принцип.

В.В. Симонов:

Я поэтому оттолкнулся от Тойнби, обратив внимание на то, что религиозный мыслитель лишил Запад права на христианские ценности, т. е. он заметил эту тенденцию, понял ее и отказал Западу в приверженности к христианским ценностям. Вопрос заключается в том, христианская цивилизация, христианская теория, в принципе, обсуждает и решает полный спектр отношений по всем проблемам, которые возникают в обществе. Не отстраняясь от них, не будут рядом с ними, а находясь в них и пытаясь их решить. Я не согласен с протестантами, от которых неоднократно слышал, что христианство, в принципе, не экономично, оно не должно разрабатывать экономические модели. Протестанты не сторонники Предания. Но в Предании мы видим определенную экономическую модель, которая может дать даже критерий эффективности развития общественного производства.

В.М. Межуев:

Протестантизм просто худо-бедно реализовался в определенном типе, а вот в каком типе экономики реализуется православие? Я не знаю ни одной православной страны в современном мире — ни Грецию, ни все вами упомянутые страны, ни тем более Россию, — которая бы создала свой мирохозяйственный облик. Или же давайте отождествим наш социалистический тип хозяйства с православием. Очень многие ваши обвинения в адрес обезбоженного Запада напоминают его критику, которая у нас была в советские времена.

В.В. Симонов:

Это интересная проблема. И тип государственного устройства, и тип экономической системы, исходя из христианской модели, вывести можно и нужно, как органичный критерий общественного развития.

В.М. Межуев:

Я поставлю вопрос более точно. Вы согласны с Леонтьевым, который говорил, что византизм в религии — это православие, а византизм в государстве — это самодержавие. А Тойнби назвал это просто тоталитаризмом — византийским наследием России, и связал прямо, намертво православие и тоталитаризм. Вот с этим Вы согласны?

В.В. Симонов:

Нет, не согласен. По поводу Византии, по поводу того, что если мы встанем на путь православной цивилизации, то закончим как Византия, должен сказать, что как Византия мы уже, к сожалению, закончили. Это произошло в 1991 г., без всякого православия. А теперь, когда нам надо восстанавливаться, надо подумать о православии, в том числе и в части формирования идеологии общества.

Вопрос (И.А. Гундаров):

У меня два коротких вопроса. С позиций догматического богословия, как христианство относится к насилию? И второй вопрос — среди всех ценностей ни разу не прозвучало словосочетание, часто упоминаемое в Евангелии, Царство Божие. Что такое Царство Божие?

Ответ:

На первый вопрос столь же короткий ответ — относится разумно.

Ответ на второй вопрос — более развернутый. Коль скоро тема у нас была больше философская, чем богословская, я старался из текста убрать все, что касается богословия, по максимуму. Поэтому термин «Царство Божие» я просто не стал употреблять. Но я говорил о том, каков путь мира в плане восстановления гармонии, а под этим и понимается Царство Божие. Оно начинается с того, что «внутри вас есть», с восстановления гармонии внутри человека, затем — восстановление гармонии в отношениях человека с миром. По поводу Царства Божия я достаточно сказал в тезисе о богоуподоблении и об отношении к вере человека. О Царстве Божьем можно было отдельно говорить, но оно — не самостоятельная ценность. Самостоятельная ценность — Бог. Вот, когда человек идет к Богу, тогда и реализуется Царство Божие. Бог становится «всем во всем».

Реплика:

Значит, одной веры в Бога и любви к нему достаточно, чтобы чувствовать себя в Царстве Божьем?

В.В. Симонов:

При таком понимании мы окажемся в лоне протестантов. Мы четко приходим в это место и там остаемся. Вера везде и всегда есть, и если мы это будем помнить, то тогда всегда будем оставаться православными. А если мы будем

только верить и ждать, когда же это случится, не участвуя в этом свободной волей, своими деяниями, то тогда попадаем в район протестантизма. Это совсем другая цивилизация. Не та, о которой мы говорим.

Теперь по поводу насилия. Что понимать под насилием? Нигде в мире догматическое богословие его не рекомендует. Более того, Евангелие — прямо осуждает. А дальше уже возникает личная проблема человека в его отношении с Богом. «Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую. ... Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? ... Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный». Это сказано и сказано четко, как посыл. И мы должны его учитывать.

Вопрос (Л.И. Никовская):

У меня к вам несколько вопросов. Как и большинство присутствующих я не искушена в теологии и богословии. Первый вопрос — как бы вы объяснили, с позиций вашего выступления, исследования, которые сегодня ведутся в экономической социологии и связывают определенный тип вероисповедания и уровень экономического благосостояния? Я имею в виду, в частности, исследования Хофстеда, которые показывают, что протестантская ветвь христианства в большей степени способствует экономическому процветанию, богатству, благосостоянию. Страны, в которых доминирует протестантское вероисповедание, наиболее в экономическом смысле процветают и преуспевают. Католические страны менее благополучны. Более всего не способствуют развитию богатства, экономическому преуспеванию православные страны. В системе ценностей пра-

вославия экономически преуспевающий человек не стоит на первом месте. Главное в православии — загробная жизнь. Стремление к богатству, преуспевание в этом мире не поощряется. Следующий вопрос. Объясните мне, пожалуйста, почему в современном христианстве идет такая ценностная неоднородность? Противостоят друг другу разные течения, не находят взаимопонимания. Противоречия столь велики, что о примирении и речи не может быть. Адвентисты такого-то дня считают, что они правы, другие — отстаивают свою правду. Где примиряющее начало? Просматривается только нарастание разногласий внутри христианской системы ценностей.

И, наконец, последний вопрос: система ценностей, которую вы изложили, вступает в противоречие с современным политическим развитием мира? Что я имею в виду? Если обратиться к молитвам, которые сегодня предлагает нам современная церковь, то в них определенная доминанта: человек — раб божий, человек — существо несовершенное, грешное, подверженное страстям. Какая информация вытекает из молитв? Человек — существо неполноценное, зависимое, рабское по своей сути. А женщина в системе христианства находится в униженном положении. Не расходится ли такое унижение с современным развитием этических ценностей? С одной стороны — демократия, гражданское общество, стремление к гендерному равенству. Это ведь и сегодня проповедуется. А с другой стороны, — христианская система ценностей уводит нас в мир других отношений. Что является мерилom?

Ответ:

По поводу типов воспроизводства скажу так: я бы не очень настаивал на том, что православие — исключительно ради загробной жизни. Если мы будем на этом свете жить только ради загробной жизни, т. е. место, где можно реализовать свои намерения — это монастырь. Но все общество в монастырь не отправишь. Поэтому с социальной точки

зрения мы воспринимаем эту жизнь не как некое время, которое должно быть скорее пройдено и забыто, а как начало будущей жизни.

Одна жизнь не оторвана от другой, жизнь здесь — это первый этап индивидуальной человеческой вечности. Мне бы хотелось обратить внимание на то, что и в том, и другом случае (и в протестантизме, и в православии) у нас разные критерии оценки. Для протестантской политэкономии характерен индивидуальный критерий эффективности. Для православия характерно то, что я бы назвал общественным восприятием экономики и мира. Если мы говорим о православной системе координат, мы исходим, прежде всего, из общественной эффективности производственных процессов. Если мы обратим внимание на общественную эффективность, то увидим, что в ряде православных обществ, с одной стороны, были некоторые элементы, которые позволяли несколько сгладить те негативные последствия производства, которые воздействовали на личность, а именно — взаимопомощь и т. д. Та же самая кооперация происходит из христианства. К сожалению, протестантский мир это утратил. Естественно, если мы говорим об общественной критерии, мы должны понимать, что личность, индивидуум должны быть немножко ограничены для того, чтобы обеспечить общественную эффективность. Если Вы помните, в свое время у нас было два понятия эффективности — бюджетная эффективность и народнохозяйственная эффективность. Что касается последней, то для нас сейчас как представителей капиталистического мира, ее не существует. Коль скоро мы хотим народнохозяйственный подход восстановить, то личность окажется немножко ограниченной. Поэтому ее личное преуспевание будет не таким активным, как это было бы в протестантской стране.

Камнем преткновения являются социально необеспеченные слои. В планировании мы приходим к «трехлетке» — это совершенно замечательный документ. А. Кудрин

нам говорит о том, что, согласно бюджетному посланию текущего года, главное — это социальное обеспечение. И обещает, что Минфин сделает все возможное, чтобы обеспечить человеку достойную старость к 2010 г. Именно в 2010 г. вышедший на пенсию человек будет получать 5 тыс. руб. При этом в Испании у пенсионера, даже нерезидента, бесплатные лекарства. Все это — нагрузка на общество? Да. Поэтому индивидуальное благосостояние трудящегося, капиталиста, просто человека в Испании чуть-чуть ниже, он просто больше налогооблагается. Если мы идем по этому пути, это одно дело. Если мы чисто протестантская страна, как США, то — каждый выбирает свои деньги.

Ответ на второй вопрос. Есть показатель дехристианизации в определенном плане. На Западе те же самые дискуссии, даже у греков ведутся более мягко, с одной стороны. А с другой стороны, — более жестко. Первым неправославным главой церкви, который посетил Грецию, был папа Иоанн Павел II. А когда в прошлом году должен был состояться по линии Всемирного Совета Церквей межрелигиозный форум там, в Греции, я видел демонстрации против этого, для них это было шоком. Это вторжение иных религий в страну, где таких религий просто нет и не может быть по закону. Это говорит о том, что важнейшую часть христианства мы воспринимаем как-то по-другому.

Да, действительно, бывают моменты, когда необходимо резкое противостояние; если вы помните, был легендарный рассказ о том, что Николай-угодник вручную объяснил Арию, что так мыслить нельзя, как Арий говорил. Но то, что более документировано, что случилось со Спиридоном Тримифунтским, — он вручную ничего не объяснял, он камушек держал, и три явления из него произошли в доказательство Троичности Божества. Может быть, если бы мы были чуточку более догматически и канонически чуткими, мы бы эти проблемы решали, как советует апостол Павел. А он говорит, что надо увещевать тех, кто неправо мыслит, может, Господь их просветит.

Победа Михаила над драконом.
Ю. Карольсфельд. Библия в иллюстрациях

Третий вопрос: я не вижу резкого противоречия между современным сциентизмом, политическим развитием и системой христианских ценностей. Разве кто-то против этого? Вопрос в другом. Вопрос — в нашей свободной воле, свободном выборе. Кто-то скажет: «Я-де, мол, праведен». Но я что-то крыльев не вижу ни у кого за спиной. Мы сами выбираем, кому быть рабом — греху или Богу. Наверно, второе лучше. Если мы полностью подчинили себя праведности, то мы, действительно, рабы Божьи. Потому что Он есть всецелая праведность, более праведного, чем Он — нет. И в этом рабстве нет ничего плохого — в нем нет угнетения, нет всего того, что мы привыкли понимать под словом «порабощение». Раб в античности — не будем этого забывать! — это некий член фамилии, большой семьи, во главе

которой стоит отец, *pater familias*, в чьей власти находятся все — и рабы, и дети, и супруга, и все, что относится к дому, к фамилии.

В христианской Церкви, в которой мы все входим в одну семью, этот *pater familias* и есть Бог. Но если мы Богу не подчиняемся, давайте назовем это по-другому — мы хотим быть рабами греха, рабами прибыли, рабами бесчеловечного общества, рабами государства, которое уничтожает свое население. Давайте это признаем. Назовем только вещи своими именами. Поэтому Церковь говорит немножко по-другому. Она помогает человеку осознать свои несовершенства. Вот вы говорите, страсть. Ну, есть же у вас страсть, и у меня она есть, у каждого она есть. Только если мы не будем называть страсти своими именами, мы их никогда не поборем, потому что мы не поймем, в чем состоит их сущность, опасность, неприемлемость для человека. Кто-то из современных американских писателей написал очень важную мысль: «У них же нет имени, а как же можно сражаться с беспрозрачными?»

Реплика:

Возможна, все-таки и безрелигиозная мораль, для вас совесть — это голос Бога, а для другого человека — это голос разума.

В.В. Симонов:

И немного о женщине. Насколько я помню из Евангелия, и апостолы то же самое говорят: Христа кормили, водили, ухаживали, поддерживали материально и морально именно женщины. Нигде женщина не рассматривается как существо низшего плана, как существо умственно неполноценное, как существо социально незначимое. Более того, воскресший Христос является первым не Петру, не другим из апостолов; напротив, приходит Мария Магдалина и говорит Петру: «Посмотри-де, что случилось!». Он от нее о Воскресении Христовом узнал. Если бы это не имело смысла, разве бы это произошло?

Единственное ограничение, которое вводят апостолы — это то, что женщина не должна учить в церкви. Женщина в церкви да молчит. Там есть специально обученные для этого люди. Я не говорю здесь о протестантизме, который забывает полностью канонику, догматику, саму идею христианства и вводит женское священство, женский епископат. Это единственное ограничение, которое для женщины вводится и вводится как каноническое правило. Во всем остальном — на женщине стоит дом, женщина — хранительница семьи, а семья есть малая церковь. Именно на женщинах христианство держалось всегда, вплоть до настоящего времени. Почему у нас при советских гонениях сохранились христиане? Потому что были бабки, вот они-то и донесли свою веру до внуков, из внуков получались священники и т. д. Однако жесткий феминизм я никогда не понимал.

Вопрос (В.Д. Роиц):

Хотелось бы задать Вам два вопроса. Не увлекаетесь ли вы инструменталистскими подходами Тойнби, с точки зрения оценки западной цивилизации, не предоставляя ей право на христианство? Я проиллюстрирую это таким замечанием. Западный секулярный мир все-таки относится к человеку труда, просто к человеку более, скажем, человечно, с точки зрения зарплаты, пенсии, социальной защиты, чем наш православный мир. Мало православного мироощущения, миропонимания. Не только западный мир, но и наш мир, с точки зрения демографии, идет в никуда. Но на Западе, с точки зрения, как вы назвали, воспроизводства их процессов, там они обеспечены. У нас с обеспеченностью плохо, идет быстрое, резкое снижение численности населения и мы идем в никуда. Это первый вопрос.

Второй вопрос — как Вы рассматриваете тот огромный опыт христианской молитвы, покаяния, причащения, которые были в средние века в Западной Европе. Неужели, они ушли в никуда? Неужели мы не имеем надежды, что сестры-церкви не объединятся и не возьмут друг от друга что-то

полезное, не найдут гармонии? Не хотелось бы в это верить. Как Ваше мнение?

Ответ:

Где вы видели у нас православный мир, который неправильно относится к человеку труда? Это какой православный мир неправильно к нему относится? Кто это? СССР? Россия? Не надо считать Россию православной цивилизацией — нынешнюю Россию. Мы пока еще ближе к западной цивилизации. Причем как-то стерто: то, что у них написано хорошо и понятно, в нашем законодательстве написано — как бы пальцем по чернильной строке провели, все смазалось, ничего не понятно. Поэтому я бы не стал настаивать, что мы сейчас являемся образцом православной цивилизации.

Но есть православная теория. То, что вы говорили о социальной защите населения на Западе — это остатки того, что пришло туда с христианством. Потому что крепостничество там было похлеще нашего, но в течение нескольких веков совокупными усилиями гуманистов и Церкви там сформировалась определенная модель. Она потом потеряла христианские черты, но нужно сказать, что забота о воспроизводстве человека предусматривается христианским учением.

И по второму вопросу. Он — абсолютно философский. Мне бы хотелось подчеркнуть другое, а именно то, что на Западе христианство перестало с определенного времени быть цивилизационнообразующей системой. Создана некая цивилизация на определенной базе, которая, действительно, была когда-то христианской, но со временем эта составляющая из нее ушла. Уже лет 300 или больше, как ушла. И ушла так, что теперь этот опыт специально перечеркивается. Они от христианства отделяются, они считают себя абсолютно надрелигиозными.

По поводу объединения Церквей — это вопрос довольно сложный. Пока что все разговоры ведутся в том плане, что одна Церковь должна ассимилировать другую. На это никто не пойдет. Потому что вопрос заключается в том, как

писали святые отцы, православно величать Бога как высшую святыню, православно — т. е. правильно, именно так, как это Ему подобает. И нас никто, особенно догматически, осудить в этом вопросе не может. Поэтому, либо нас надо принимать равными, такими, как мы есть, либо не принимать вовсе, что и происходит пока на деле.

Вопрос (Ю.А. Лукин):

Я хотел бы с небес геополитики и сакрального состояния возвратить нас в сегодняшний мраморный зал. Президент говорит о духовном единстве народа и объединяющих нас моральных ценностях. Православных ценностях. В свое время мы говорили о единстве формы и содержания. Справа от Президента сидит представитель одного подхода к жизни, в том числе православных ценностей, слева — другой, а в зрительном зале — великое многообразие подходов. Проблема состоит в том, что мы все голосуем за православные христианские ценности. Ну, кто против? Но в реальной жизни, в сегодняшней ситуации, все обстоит гораздо сложнее. Все лидеры партий, общественных объединений подпишутся под словами Президента, но когда они приходят в свои офисы, партии, объединения, Думу, каждый начинает наполнять эти христианские, или как мы говорим, вечные ценности, совершенно разным содержанием. Как с этим быть? Все, что вы говорите — абсолютно правильно, но не все согласны с этим в реальной жизни. Здесь, где мы находимся, разрабатывается государственно-управленческое проектирование. Как с этой точки зрения решить вопрос — от общих положений духовных единств или общих нравственных ценностей перейти к конкретике?

Ответ:

Вы говорите о том, что я в докладе назвал угрозой православной цивилизации, возникшей в настоящее время. Это противоречие налицо, его необходимо решать. Этот вопрос ставится, и не только мной. Что касается мраморного зала,

действительно, ситуация абсолютно противоречива, но корень решения этой ситуации в ее современном состоянии я бы назвал следующий, о нем сказал в завершении своей сегодняшней речи наш Президент: есть на Руси такая старая народная забава — искать национальную идею. Вот ответ на Ваш вопрос — мы пока еще забавой занимаемся. Нам надо прекратить заниматься забавами и заняться делом. В том числе, и на том уровне, который нынче рассуждает о забавах.

Вопрос (В.П. Булдаков):

Я ничего не имею против христианизации страны или православизации. Как вы видите механизм всего этого? Как это может быть решено на организационном уровне, институциональном уровне? Все же понимают: от того, что наш Президент лишний раз перекрестится, наши ценностные основания не очень-то изменятся. От того, что какое-то предприятие освещают, тоже не добавит ему эффективности в работе. Так, есть ли такой механизм?

Второй вопрос — из другой области и весьма актуальный. Даже не вопрос, а может быть справка. Вчера отпевали первого Президента России Б.Н. Ельцина. У меня создалось такое впечатление, что поскольку отпевали экс-президента, обряд был несколько изменен, т. е. отпевали раба Божьего Бориса Николаевича. Это уже не первый, кстати сказать, случай. Я обратил внимание довольно давно, что Патриарх обращается к ныне действующему Президенту не иначе как Ваше Превосходительство, а вчера Превосходительством даже супругу Президента назвали. Что это такое? Ведь вопрос был простой в свое время: католики и униаты, кстати, упрекали отцов нашей православной церкви в том, что мы имеем государственное, казенное православие. Есть такая проблема? Возможен ли выход из этого положения, на ваш взгляд?

Ответ:

Ну, вопросов, на самом деле, три, а не два. Начнем со среднего. Изменения литургические. Я как-то не очень всмат-

ривался в ритуал. Уверяю Вас, это стандартная, в принципе, форма церковно-властных отношений: великого князя Николая Александровича, государя императора Николая Александровича, поминали же так. И в данном случае — не просто безвестный нищий с паперти, а некий человек, обладавший некими властными полномочиями.

Реплика:

Перед Богом все равны.

В.В. Симонов:

Это его отношения с Богом, а здесь вопрос чистого этикета. Взяли за образец тот этикет, который имел место ранее. О нем на самом деле забывают, причем забывают в повседневной жизни очень часто. Например, белые священники, которые вдруг внезапно стали «преподобиями». Об этом постоянно забывают, а тут вот вспомнили об этикете, что было такое поминовение, и сконструировали такую ектению. И главное в ней — «раб Божий Борис», а не все остальное. Второй вопрос — давайте договоримся сразу, что отцы православной церкви — это, к примеру, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и т. д. Поэтому у униатов претензий к отцам Церкви православной не было.

По поводу упреков в огосударствлении Церкви. Благодаря приснопамятному синодальному периоду у нас сложилась определенная модель, даже не византийская, церковно-государственных отношений, при которой Церковь находилась в положении верноподданной государства. Это не византийская система, которая подразумевала определенное равенство Патриарха и Императора, а в некоторых случаях, канонически, Император был подчинен Патриарху. И здесь, у нас в России, каноническое законодательство тоже превалировало над публичным правом — в виде «Книги правил», установлений для брака и бракоразводного процесса. Все остальное предусматривалось государственным законодательством, к которому Синод имел косвенное от-

Вознесение.

Ю. Карольсфельд. Библия в иллюстрациях

ношение. Эту модель преодолели в 1918 г., благодаря революции, когда избрался Патриарх, совершенно независимый от властей, и стал проводить независимую политику. Был факт в 1923 г., например, когда на двери патриаршей кельи в Донском монастыре висела записочка: «По контрреволюционным вопросам просим Святейшего Владыку не беспокоить». Эта модель, в принципе, просуществовала в течение всего оставшегося советского периода. И даже те претензии, которые были к иерархам Церкви, таким как, скажем, митрополит Николай (Ярушевич), митрополит Никодим, очень неоднозначная фигура, вряд ли целиком можно считать обоснованными: их деятельность была независима, в большей своей части, от государства. Они проводили не-

зависимую от политики партии идеологическую линию, преподавали не то, из чего состояла программа КПСС. Исключение составлял Моральный кодекс строителя коммунизма — здесь точки зрения совпадали.

Независимость церкви от государства была разрушена в 1991 г. и эта ситуация до сих пор не преодолена. Система не сформировалась. Вы обратили внимание на то, как именовали покойного Ельцина. А меня удивило, как его отпевали, потому что на отпевании было только три члена Священного Синода — Святейшего не было, (я знаю, он нездоров), но об этом даже не объявили. Просто так — не было и все. В Синоде у нас значительно больше, чем три члена. Заупокойную литургию на похоронах лидера нации, человека, облеченного властью, служил викарный епископ города Москвы. Так что говорить о полной симфонии, тем более о подчинении Церкви государству, я бы не стал в этих условиях. Вопрос заключается в другом: государство создает специально такую юридическую модель, которая подразумевает полное разрушение Церкви и последующее подчинение ее государству. А именно, за основу правового регулирования религиозной деятельности в РФ взята американская модель, которая предусматривает вещи, совершенно немислимые с точки зрения православной каноники. Напомню закон «О религиозных организациях». Религиозная организация образуется не менее чем тремя учредителями, первичной религиозной организацией является для нас приход, который в количестве трех приходов образует себе дальнейшее возглавление. Т.е. три прихода, три настоятеля вправе объединиться и избрать себе архиерея. А три архиерея потом объединятся и выберут патриарха.

Реплика:

А где же вертикаль власти?

В.В. Симонов:

Вот-вот! Где то́, что по Писанию и по канону положено — Церковь возглавляется Христом, и вниз идет патри-

арх, архиерей, священство, дьяконство и миряне? Это полное разрушение канонического устройства Церкви. В такой Церкви можно делать все, что угодно. И это делается, потому что каждый приход — юридическое лицо — не филиал и не представительство, как это следовало бы сделать, а юридическое лицо, равное перед законом и с Патриархией, и с епархией. Держится ситуация только потому, что мы имеем хотя бы минимальное каноническое образование: священник понимает, что он — производная от архиерея, что священная-то власть у архиерея находится, а я — тот элемент, куда она транслирована в некоторой своей части. Мы — производные от архиерейской таинственной власти. Вот за счет этого, за счет элементарной грамотности духовенства вся система держится. А там, где возникает безграмотность — отец Глеб Якунин тому пример, — там возникает собственная церковь — АИПЦ, УАПЦ, УПЦ-КП и что хотите еще. Да, вопрос об институтах, которые должны были бы внедрить православие, как вы сказали, «не имея ничего против христианизации современной России». Нельзя быть за или против христианизации: либо она будет, либо нет, и от того, за я или против, ничего не зависит. Это не наша с вами воля. Мы можем протестовать, но она все равно состоится, если на то будет Божья воля. Мы будем ратовать, бегать и христианизировать ее, но если уж этот народ обречен, ничего не получится, он вымрет, и тому немало свидетельств и в Писании, и в истории. Мы можем только помочь или препятствовать процессу. Если мы доинституализируемся до того, что создадим Министерство религии и культа, это будет страшно, тогда не будет ни христианизации, ни Церкви. Но инструмент уже есть: Конституция есть, Церковь есть. Наша задача, видимо, Церкви помочь, а не мешать, в том числе и законодательно. Надо отдать ей ее главную функцию — функцию распространения христианства, не требовать от нее строить, не требовать от нее того, что она не может сделать финансово, дать ей возможность осуществлять свою прямую функцию в

обществе. Плюс идеологическую функцию, учитывая христианское вероучение, в деятельности властных структур государства — доводить до них те граничные, контрольные пункты, которые может предложить христианское учение для формирования экономической концепции, экономической политики, те критерии определения эффективности, которые она может предложить.

Вопрос (В.М. Клычников):

Первый мой вопрос касается перспектив развития христианства, особенно в России. В докладе вы отмечаете, что сохранение в обществе существенного неформального мистического потенциала будет способствовать восстановлению православной цивилизации. Но рациональное познание мира объективно снижает ареал мистического. Возникает прикладной вопрос — как быть с современным образованием? Оно рациональное. Или мы активнее образовываем общество, либо идем назад, говорим, что мир создан за семь дней. Второй вопрос: когда вы описывали состояние сегодняшнего общества, то это мне чрезвычайно напомнило состояние Римской империи первых веков нашей эры — десоциализация, человек одинок и т. д. Что в итоге и стало основанием для возникновения христианства как религии личного спасения. В этой связи, что вы прогнозируете? Новый Ренессанс христианства? Какова возможность возникновения новой миссианской религии? Способно ли православие принять этот вызов? Нужен ли человеку новый Бог или православие справится с этой проблемой?

Ответ:

Я думаю, справится — это краткий ответ на второй вопрос. Что касается первого вопроса, то я не стал бы утверждать, что существует резкое противоречие между рациональным и мистическим. Мы знаем множество примеров, когда рациональное и мистическое не только уживались, но и развива-

ли друг друга. Академика Раушенбаха помните? В последние годы своей жизни он опубликовал статью в журнале «Коммунист», посвященную математическому доказательству бытия Божия. До этого у него была монография «Пространственные построения в древнерусской живописи», работа весьма своеобразная. Вопрос в том, что наша система образования должна каким-то образом учесть то, до чего доходит интуитивно и опытно наш народ. К сожалению, наше школьное образование далеко от идеала. С одной стороны, оно учит тому, чему когда-то в педагогических институтах научили учителей. Сейчас меняется преподавательский состав, резко меняется и падает качество образования. С другой стороны, есть противоречие, вытекающее из современного содержания образования. Если мы будем сводить науку и религию на примитивном уровне, то получим конфликт. Если мы поднимем и богословие и нашу науку хотя бы до уровня восприятия друг друга, найдем контакт — тогда этого конфликта не будет.

Вопрос (В.М. Межуев):

Почему атеизм возник на почве именно христианства? Я не знаю атеизма восточного, мусульманского, буддистского. Как явления не знаю. Может быть, там есть люди, которые отреклись от собственного Бога. Но как течение, как умозрение, как умонастроение атеизм возник, прежде всего, в христианской культуре. Что есть такого в христианстве, что, в конечном счете, породило атеизм?

Ответ:

Но все-таки атеизм — это античная Греция, скорее всего, конец классики, начало эллинизма, до христианства еще дожить надо было.

В.М. Межуев:

А это не связано с тем, что христианство является промежуточным звеном между Богом и человеком?

Вопрос (А.И. Неклесса):

Позвольте нарушить порядок дискуссии и сказать несколько слов. У меня была скрытая позиция в моей первой реплике. Я хотел показать, что существует христианская точка зрения. Что секуляризация и общество, которое живет в современном коде — это определенная христианская позиция, которая зиждется на понимании совершенности человека. Вся западно-европейская история, особенно в ее протестантской версии, версии теологии, которая развивалась протестантизмом и реализовывалась в виде определенной цивилизационной формы, зиждется на понимании свободы выбора человека. Именно отсюда атеизм. В Древней Греции не было свободы выбора у человека, мы знаем судьбу Сократа. Но важно не это. Важно, что традиционалистское сознание кардинально отличается от сознания христианского. Выбор, свобода выбора онтологична христианству. Атеист гораздо больший христианин, чем язычник, в определенном смысле этого слова. С моей точки зрения, он более христианин. Потому что христианство зиждется на трех онтологических ценностях — творчество, любовь и свобода, которые драматизированы понятием о Боге в тринитарном богословии, христологии, системе соотношений человека и Бога. Третья позиция, если обратиться к великим Соборам, проявилась в последнем VII Соборе, в вопросе об отношении к иконам. На мой взгляд, уже в поместном Соборе, Византийском, буквально последнем, была решена проблема обожения.

Что я имею в виду? Возникает проблема не столько икон, сколько экономики, снисхождения, т. е. проблема энергетического соотношения человека и Бога, проблема миростроительских энергий. Хотел бы спросить, что же все-таки понимается под христианством и христианами в социальном смысле? Вопрос имеет конкретный характер, хотелось бы услышать количественные характеристики: кто является христианами и сколько христиан существует в современном мире, какова их позиция? Кого можно назвать христианами в современ-

ном мире? Насколько это социально значимая величина? И еще вопрос, касающийся непосредственно России. Кого в России можно назвать христианами и сколько прихожан на сегодня у Русской Православной Церкви?

Ответ:

Я могу ошибиться, но в мире порядка двух миллиардов христиан. Мне совершенно непонятно почему в прошедшей переписи населения нельзя было указать графу о вероисповедании? Почему это нарушает права личности? Мы бы получили, конечно, «грязную» цифру, но все же узнали бы сколько людей в самосознании относят себя к христианам. Но получили бы показатель, от которого можно было бы отталкиваться. С формальной точки зрения, христианин — это тот, кто живет в Церкви, хотя бы ее посещает, а в оптимальном варианте — участвует в ее таинственной жизни, кто более или менее — или даже нерегулярно — причащается. Нам говорят, что 85% населения у нас православные, говорят, что 27% от общего числа населения — мусульмане. Откуда эти проценты взяты?

Вот почему я подчеркиваю, что хорошо бы графу о вероисповедании включать в перепись, чтобы получить хотя бы «грязную» цифру, чтобы оценить масштаб явления. Но у нас, исходя из каких-то эфемерных, демократических принципов, не решаются это сделать.

Реплика: Возраст и образование можно проверить, а как проверишь вероисповедание?

В.В. Симонов:

А зачем проверять, человек сам говорит о своей вере. Что же ему нельзя доверять? Но включение определенной графы в переписной лист позволило бы более или менее верно оценить масштаб явления.